

Module 3 Video Class 3: Interview with Megan Molteni (Russian)

[00:00:00] Здравствуйте. Добро пожаловать в видеочасть нашего курса «Журналистика в пандемии: Освещение COVID-19 сейчас и в будущем». Это третий модуль, мы изучаем надежды и сложности с вакцинами против коронавируса и лекарствами от COVID-19, и прямо сейчас мы поговорим с Меган Молтени, штатным автором журнала Wired, которая пишет о вакцинах и лекарствах. Меган, спасибо, что присоединились к этому курсу.

[00:00:30] Спасибо, что позвали меня, Мэрин.

[00:00:31] Итак, можем ли мы начать с вашего объяснения нашим 8 600 студентам, многие из которых, возможно, никогда не видели Wired, того, чем вы там занимаетесь?

[00:00:43] Конечно. Сейчас я в первую очередь пишу для научного раздела сайта почти исключительно о кризисе с COVID-19. До пандемии я писала на более широкую биотехнологическую тему, с акцентом на новые технологии и безопасность личных генетических данных. Но сейчас моя работа состоит в том, чтобы писать два-три материала в неделю для сайта, пытаюсь помочь читателям понять, как COVID-19 может влиять на их жизнь и рассказывая о научных результатах, которые появляются как в области вакцин и лечения, так и в нашем общем понимании болезни и того, как она передаётся между людьми и что она делает с нами.

[00:01:35] Я думаю, что люди, которые проходят этот курс, находятся в аналогичной ситуации. Многие из них, возможно, раньше не писали про здоровье и науку, а те, кто писал, как и все мы, полностью переориентировались на COVID-19. Итак, вы следите за темой прямо с самого начала, с начала января. Из всех материалов, которые вы сделали по вопросам вакцин и лечения, есть ли что-то, что особенно выделяется для вас?

[00:02:04] Поначалу я на самом деле довольно сильно колебалась в том, стоит ли писать о разработке вакцины, особенно в январе и феврале, когда вспышка была по-прежнему в общем-то ограничена материковым Китаем. По части разработки вакцины тогда ничего не происходило, тогда не было ясно, станет ли это глобальной пандемией, которая продлится достаточно долго, чтобы оправдать миллиарды долларов и много лет, которые потребуются для разработки безопасной и эффективной вакцины. Так что я сначала держалась от этой темы в стороне. Но как только стало ясно, что вакцина будет необходима как своего рода ключ к какому-то подобию возвращения к нормальной жизни, я оказалась в таком положении, когда нужно было написать всё, что мы знаем о научной стороне и разработке вакцин от коронавирусов к этому моменту. И поэтому мне поручили написать своего рода окончательное руководство журнала WIRED по нашему прогрессу в части создания вакцин, и это должно было быть похоже на курс «Введение в производство вакцин для чайников».

[00:03:13] К примеру, в то время Энтони Фаучи в телевизорах говорил, что до появления вакцины пройдет по крайней мере год-полтора. И я думаю, что многие люди слышали это и не совсем понимали, с чем это связано. Идея материала, на мой взгляд, заключалась в том, чтобы человек, который услышал эти слова Фаучи, мог из него узнать, почему всё именно так. Предполагалось, что я расскажу о

научных основах создания вакцин, производственных цепочках и цепочках поставок, а также об экономике разработки вакцин, так как это отдельная тема.

[00:03:44] И я сначала была очень разочарована этим заданием, потому что мне показалось, что всё это — базовые вещи, о которых все уже всё знают и о которых журналисты уже исписались до посинения. Но когда я работала над этим материалом, я, в частности, поговорила с исследователем вакцин по имени Петер Хотез, который разработал вакцину для SARS, и узнала, что существует потенциальный подвох в разработке вакцин против коронавирусов, связанный с тем, как иммунные системы некоторых людей реагируют на вирус в естественной среде после того, как они были вакцинированы. Я нигде не видела упоминания этого в прессе, и в итоге это был первый раз, когда кто-то написал о возможности так называемого антителозависимого усиления инфекции (ADE) применительно к вакцине от COVID-19. Для меня как для журналиста это оправдало работу над материалом: подвернулось нечто интересное, что-то новое, чего я не знала.

[00:04:46] А потом, когда вышел текст, все как будто сошли с ума. Мне кажется, в неделю он набирал примерно 200 тысяч просмотров, и генеральный директор нашего издателя, Condé Nast, прислал мне письмо — я тогда впервые убедилась, что это настоящий живой человек, а не просто лицо на экране — чтобы сказать, что он поделился материалом со всеми членами своей семьи.

[00:05:07] Для меня это был очень поучительный момент о том, что важно время от времени выходить из собственной головы и думать о том, какая информация нужна людям вне науки и журналистики, чтобы разобраться, что происходит, в это очень быстрое, сбивающее с толку время. Мне кажется, оглядываясь назад на мои материалы о вакцинах, я могу сказать, что этот текст как-то застрял в моем сознании как урок.

[00:05:32] Это гигантский материал, и он действительно отличный, так что мы рекомендуем его в качестве одного из обязательных материалов для чтения этого модуля. Но теперь мне очень интересно узнать: так как вы не занимались этой темой до начала всего этого, поскольку это была новой областью для вас, и поскольку всех этих методов лечения и вакцин ещё не существует, как вы находите надёжные источники для своих материалов? Откуда вы знаете, с кем действительно стоит поговорить, чьи мысли и мнения стоит донести до ваших читателей?

[00:06:03] Это определенно сложно, но я думаю, что мне действительно помогло то, что я начала об этом писать с середины января. Тогда я уже связывалась с людьми, которых я вычислила по множеству препринтов в сети, а также просто поисками в литературе. Кроме того, я сидела на нескольких онлайн-форумах по вирусологии. И поэтому, когда всплыл ряд новых методов лечения и вакцин — точнее, не всплыли, но попали в клинические испытания к середине февраля и в марте, у меня уже были люди, с которыми я установила контакт, и мне не приходилось полагаться на другие новости, чтобы находить нужных людей.

[00:06:55] Но я думаю, одна из вещей, которые оказались особенно полезны в случае с лекарствами, заключалась в том, что я посмотрела на... В самом начале, когда всё ещё ограничивалось материковым Китаем, я следила за реестрами клинических испытаний, чтобы узнать, чем занимаются исследователи в Китае. И в середине февраля произошел настоящий взрыв: всего за несколько недель их количество выросло с одного или двух испытаний до нескольких десятков. Тогда

было действительно трудно пытаться проанализировать происходящее, но, к счастью, за этими же реестрами, кроме меня, точно так же следили ещё несколько исследователей, и я подписана на несколько рассылок людей, которые следят за такой информацией. Так что было полезно видеть всё это в тот момент, когда это происходило в Китае, потому что многие из этих испытаний стали поводом для клинических испытаний, которые затем начались в США. Но если посмотреть на ВОЗ, Всемирную организацию здравоохранения, которая отслеживает, сколько этих методов лечения, лекарств и вакцин находятся на стадии разработки, то их хватит на то, чтобы писать по материалу в день следующие три месяца — настолько много всего происходит.

[00:08:12] Не то чтобы это будет хорошим способом потратить время для меня, для вас или для наших читателей — это будет несколько неотфильтрованным взглядом. Поэтому я думаю, что важно искать спикеров, которые хорошо знают всю область — например, обзоры будут действительно хорошим местом поисков людей, которые уже проделали анализ литературы и могут прикинуть ценность данных, которые были у нас к началу пандемии. И они оказались для меня полезным ресурсом.

[00:08:49] Да уж. Это трудное время, и в конечном итоге важно иметь уверенное понимание того, как работает разработка лекарств в целом: чем отличаются разные этапы клинических испытаний, что означают размеры выборки, что представляют собой разные конечные точки, насколько сильны эти статистические данные. Такие знания помогают отделить сигнал от шума, зёрна от плевел, потому что полагаться на пресс-релизы точно нельзя. Компании всегда сумеют подать любые данные, которые у них есть, в выгодном для себя свете, но это не обязательно единственная история, которую могут рассказать данные.

[00:09:38] Я думаю, что всегда важно, если у вас нет такого твёрдого понимания, по крайней мере дружить со статистиком или с кем-то, кому можно просто написать по электронной почте и спросить: «Как это понимать?».

[00:09:44] Это отличные мысли, и это даёт мне возможность спросить вас ещё кое о чём. Конечно, все хотят разработать вакцины и лечение сейчас, потому что это ужасная проблема для всего мира, и тот, кому это удастся, получит огромную репутационную выгоду. Но это также и частные компании, это бизнес, и любые из них, кто первым доберётся до финиша, также получают огромное финансовое вознаграждение. И уже по некоторым ранним материалам о некоторых методах лечения, например, видно, что идёт настоящая борьба за рынок. Мне бы хотелось, чтобы вы немного поговорили о том, как вы сопротивляетесь хайпу и остаётесь уверенной в том, что вас как журналиста не используют для решения каких-то бизнес-задач.

[00:10:41] Думаю, это очень важный вопрос. Знаете, поначалу мне пришлось проделывать много работы, чтобы выяснять, кто вообще занимается этими методами лечения и ранними вакцинами. А потом посыпался вал пресс-релизов. Журналистам важно помнить о том, что компании хотят использовать средства массовой информации, как вы говорите, в финансовых целях. И мы раз за разом видели, как компания говорила: «О, у нас есть кандидат на вакцину. Мы продвигаемся к доклиническим испытаниям. У нас есть кандидат на вакцину», и курс их акций подскакивал после каждого материала об этом, где говорилось, что в гонке они вырвались вперёд. Из общения с людьми, изучающими глобальную разработку вакцин как область общественного здравоохранения, я узнала, что это происходит

каждый раз, когда появляется новое большое и страшное человеческое заболевание — компании используют этот страх и пользуются этим моментом, чтобы извлечь выгоду из конкретного контекста и повысить свою рыночную стоимость.

[00:11:58] И если посмотреть на то, что произошло с SARS — это для меня хороший пример — в 2003 году, то тогда было более 30 компаний, которые вступили в гонку с кандидатами на вакцину, и все они думали о том, что это будет огромным плюсом для их финансового положения. Но сегодня мы знаем, что ни одна из этих вакцин не добралась до финиша разработки.

[00:12:23] Частично это было обусловлено динамикой той эпидемии, которая быстро подошла к концу после того, как Китай произвел некоторые кардинальные изменения в политике в сфере здравоохранения. Но вывод, который я сделала из разговора с рядом людей, изучавших эту историю, историю той эпидемии, состоит в том, что некоторые разработчики вакцин не обязательно так уж серьёзно отнеслись к этой задаче — для них это была возможность воспользоваться моментом. Мне кажется, я всегда держу это в голове, когда смотрю на некоторые вакцины-кандидаты. Другая важная вещь, которую нужно помнить, заключается в том, что одна вакцина не решит эту проблему.

[00:13:03] Нам их понадобится много. И это неплохо, когда есть реальные инвестиции и реальные деньги, которые идут в эту гонку по поиску безопасных и эффективных вакцин, потому что нам понадобится больше одной вакцины, если мы говорим о необходимости привить все население планеты, не так ли? Это миллиарды людей. Так что это не значит, что мы должны быть нигилистами по этому поводу, нужно просто скептически относиться к ситуации. На самом деле нам действительно нужно иметь столько кандидатов в очереди разработки, чтобы получить хотя бы одну работающую вакцину.

[00:13:48] Поэтому, мне кажется, мы в Wired пытаемся сосредоточиться в меньшей степени на результатах некоторых из этих испытаний и в большей — на процессе. У нас есть реальный... Я думаю, одно из наших отличий от других изданий заключается в том, что мы обычно не пишем только о главных результатах исследований. Мы пытаемся понять, как наука меняется. Рабочие процессы науки меняются во время этой пандемии для ускорения разработки вакцин и методов лечения. Как изменение этих научных процессов влияет на качество данных, которые мы должны оценить? И это такая временная мера, которую мы принимаем в эту пандемию, после чего вернёмся к нормальной жизни — или же мы вроде как поняли, что в этих процессах есть место для инноваций, которые мы будем использовать в качестве уроков на будущее?

[00:14:48] То есть в основном мы ищем именно такие истории, и мы не сообщаем о каждом крошечном результате. В одном исследовании сказано: «Ремдесивир работает», в другом исследовании сказано: «Ремдесивир не работает» — мы пытаемся сделать шаг назад и спросить: «А каково качество данных в первом исследовании? А во втором? Почему? Почему эти данные публикуются именно таким образом? Были ли они опубликованы по политическим причинам или по финансовым мотивам?». Мы пытаемся дать людям контекст, который им нужен, чтобы понять, что означают те самые главные результаты исследований. .

[00:15:20] Я действительно хочу спросить о политике, потому что кажется довольно очевидным, что в вопросах вокруг некоторых методов лечения, которые продвигались в последние пару месяцев — которые, конечно, кажутся столетием — было оказано большое политическое давление. Возможно, это было так и при других пандемиях, может быть, так было в первые дни ВИЧ-инфекции, но никто из нас в то время не работал журналистом. Так, например, ещё в феврале или марте министр здравоохранения Франции объявил в Твиттере, что ибупрофен не должен использоваться при высокой температуре при COVID-19, чем вызвал настоящую бурю в сфере инфекционных заболеваний, так как некоторые страны поддерживали это, а другие — нет.

[00:16:08] Потом, конечно, есть этот огромный энтузиазм насчёт гидроксихлорохина, который возник во Франции, но по-настоящему охватил американский Белый дом до такой степени, что важный американский чиновник в сфере здравоохранения, возможно, потерял работу из-за того, что он не поддержал усилия Белого дома по продвижению этого препарата.

[00:16:27] Можете ли вы немного поговорить о том, как вы обращаетесь с этим политическим влиянием в своих материалах? Пишете ли вы о нём? Принимаете ли вы его к сведению, когда пишете, или, скажем помните, что оно может мешать клиническим испытаниям? Как это работает?

[00:16:44] Ну, определенно, как в первую очередь научного журналиста, меня всё это немного разочаровывает, потому что теперь мы должны это учитывать в своей работе. И я бы сказала, то, что происходит в политическом плане, а также в социальных медиа, потому что, как мы знаем, в Твиттере пишут не только президенты, но и лидеры технологических компаний, и их твиты влияют на то, что люди ищут в Google, что люди покупают, на их поведение — я думаю, для нас в WIRED контекст важен и должен быть представлен в материалах. Но для меня лично это, скорее, лишь часть истории, а не вся история. У меня есть коллеги, которые прицельно пишут о дезинформации, это их работа. Они писали о дезинформации на выборах 2016 года, а теперь они занимаются всей дезинформацией вокруг этой пандемии, так что они немного лучше подготовлены к работе с этой темой.

[00:17:48] Но мы не можем это игнорировать, потому что реальность такова, что наука не делается в вакууме. И если у вас есть исследователи в «горячих точках» пандемии, пытающиеся запустить рандомизированные слепые плацебо-контролируемые клинические испытания препарата, а пациенты, которых они потенциально могли бы использовать для этого исследования, покупают гидроксихлорохин или пытаются получить его от своего врача, или делать что-то ещё подобное — то пул потенциальных пациентов, которых вы можете изучать, сокращается.

[00:18:25] Таким образом, влияние политики на другие области «ниже по течению» заключается в том, что мы рискуем. Действия политиков, пытающихся продвинуть какие-то решения и показать, что всё якобы в большей степени под контролем, чем на самом деле, и всё идёт лучше, чем мы думали, на основе ограниченных данных, подрывают нашу способность получать надёжные ответы на вопрос о том, что работает, а что нет.

[00:18:52] Люди беспокоятся о том, что мы переживём худший момент этой пандемии, или, во всяком случае, худший момент её первой волны, и у нас не будет реальных знаний о том, что на самом деле работает, перед последующими волнами в будущем. Думаю, здесь мы должны продолжать показывать аудитории, как политические манипуляции наукой или желание политиков получить легкие ответы, когда их нет, влияют на нашу способность заниматься качественными научными исследованиями.

[00:19:29] Это действительно отличная мысль, что политическое давление может помешать науке. Мне кажется, я об этом так не думала. Вот последний вопрос, который я хочу вам задать: более половины слушателей этого курса живут в странах с низким и средним уровнем дохода. Во многих из этих стран нет фармацевтических компаний; там могут быть фармацевтические заводы, но эти страны не будут играть большую роль в создании лекарств или их производстве. И поэтому мне интересно, что вы знаете о каких-либо планах действий для того, чтобы распределение вакцин, в частности, осуществлялось справедливо, чтобы глобальный Юг не остался без внимания? Собираетесь ли вы что-то писать о таких планах, или есть ли у вас какие-то мысли о том, что люди должны делать, чтобы попытаться осветить эту часть истории?

[00:20:20] Да, я думаю, это крайне важный следующий шаг. По мере того, как появляются вакцины-кандидаты, которые двигаются вперёд — уже есть первые четыре, которые перешли на второй этап испытаний — это становится всё более актуальным вопросом. И я бы сказала, что мы переживаем настоящий раскол в том, какие стратегии выдвигаются.

[00:20:47] Есть ВОЗ и Билл Гейтс, которые говорят, что нужно подумать о том, где эпидемия будет в тот момент, когда у нас появится потенциальная вакцина, и как мы можем заранее наращивать производственные мощности в этих местах, чтобы, когда вакцина станет доступной, она могла немедленно оказаться там, где, по нашему мнению, будет эпидемия. В то же время в Белом доме появляется операция под названием Operation Warp Speed, которая призвана катализировать разработку вакцины в США.

[00:21:31] Они не рассматривают никакие вакцины, разрабатываемые не в США, и планируют лишь расширение производства доз вакцины, которые останутся в стране и которые получают в первую очередь её граждане.

[00:21:45] Поэтому я думаю, что совсем скоро эти решения начнут иметь большое значение, и их придётся принимать надолго, потому что производство занимает много времени, нужно построить эти объекты, организовать капитальные инвестиции, оборудовать эти фабрики и нанять персонал. Сегодняшние решения о том, где всё это происходит, я думаю, окажутся жизненно важными, и поэтому я думаю, что на журналистах лежит большая ответственность — они обязаны прямо сейчас задавать эти вопросы. Всякий раз, когда я разговариваю с компанией-разработчиком вакцины, я задаю следующие вопросы: «Сколько доз у вас будет готово к этим датам? Где организовано ваше производство? Какова ваша стратегия работы с правительствами при условии, что у вас ограниченные запасы вакцины на момент её запуска — кто её получит? И в какой форме будут эти вакцины?». Потому что если вакцина должна храниться охлаждённой, то она будет менее доступной для стран с более хрупкой инфраструктурой здравоохранения. Такие вопросы настолько же важны, как и вопрос «работает ли она или нет?». Я

думаю, что все журналисты должны думать об этом сейчас, когда мы переходим к какому-то следующему этапу в этом процессе.

[00:23:15] Мой хороший коллега Адам Роджерс только что, на этой неделе написал материал обо всех потенциальных стратегиях для того, как можно распределять ограниченные запасы доз вакцины, и сейчас на этот счёт есть много идей. Некоторые говорят, что она должна идти туда, где эпидемия бушует в момент её появления. Кто-то считает, что она должна достаться наиболее уязвимым группам населения, чтобы, например, позволить людям, которые чёрт знает сколько времени были заперты в своих домах — люди с гипертонией или пожилого возраста... Но мы также знаем, что некоторые вакцины не очень хорошо работают для пожилых людей. Так, может, тогда прививку лучше делать людям, для которых она сработает лучше всего? Некоторые говорят: мы знаем, что эта болезнь наносит намного больший ущерб сообществам афроамериканцев и латиноамериканцев в США — нужны ли какие-то меры для того, чтобы они получили вакцину первыми, ведь они уже приняли на себя основной удар этого заболевания, по крайней мере, в США. Должна ли вакцина достаться медицинским работникам, так как они наиболее подвержены риску контакта и заражения?

[00:24:21] Есть много разных идей, и я думаю, что важно продолжать писать об этом и продолжать настаивать на важности получения ответов на эти вопросы. Потому что мне кажется, что люди не вполне понимают, что работающая вакцина и доступная всем вакцина — это совершенно разные вещи. Я думаю, что именно на этом журналисты должны сосредоточиться в будущем.

[00:24:45] Это здорово. Это действительно отличный совет. Большое спасибо за то, что поделились всеми этими мыслями и стратегиями, и спасибо, что присоединились к нашему курсу.

[00:24:54] Большое спасибо, что позвали меня, Мэрин.